

Иван Толстой. Химеры и трагедия. Пять эссе об Алексее Толстом. СПб.: РХГА, 2021. — 252 с.

Иван Толстой рассказывает, как и почему, при каких обстоятельствах рождались главные произведения его деда Алексея Николаевича Толстого, такие, как романы «Хождение по мукам», «Петр I» и «Гиперболоид инженера Гарина», пьеса «Заговор императрицы», сказка «Приключения Буратино», пишет об истоках замыслов писателя, о связи личного и творческого. Подробно, с нюансами — о жизни А. Толстого в эмиграции, его отношениях с советской властью после возвращения в СССР. Уехав в 1919 году из России одним из самых первых писателей, Толстой стал заметной фигурой русской эмиграции. При его участии в Париже вышли первые толстые литературно-публицистические журналы «Грядущая Россия» и «Современные записки» (1920). Там печатались начальные главы романа «Хождение по мукам», первого романа о русской революции, отражавшего текущий день, ибо будущее было неизвестно. Романа, по оценке И. Толстого, о безумии разрушения, где злыми гениями предстают «революционеры всех мастей (большевики в первую очередь), но не только они, а весь паноптикум анархистов, мистиков, психопатов, интеллигентов в старом понимании слова — то есть общественников, уверенных, что раскачивание устоев приближает чаяния народа». И. Толстой анализирует весь комплекс причин возвращения писателя на родину. Возмущение разрушителями, считает он, стало для А. Толстого первым осознанным и выстраданным побуждением к принятию еще не существовавшей в реальности Советской России. Любые белые, эсеры, кадеты, меньшевики, анархисты, то есть идейные эмигранты, вызывали у него отторжение, так же как раньше, до революции, вызывал литературно-художественной мир, который он сатирически изобразил в своем романе. Он никогда не верил в чью-то духовность, оторванную от почвы, в мировоззрение, лишённое радости жизни и земной любви, в то, что взрослые люди могут всерьез вести трагические разговоры о метафизических вопросах. «Модные писатели и философы, носители трагических взглядов, были для него столь же виновны в гибели России, как и сами революционеры, маньяки с адскими машинами в портфелях». А. Толстой, по мнению автора, был не большевиком, но государственным, с Советской Россией связывал восстановление государства из хаоса смуты; эмиграцию воспринимал как тупик, как безвоздушное пространство, где у него не будет читателей. И приехал из эмиграции воссоздавать Россию. И. Толстой рассказывает, как непросто складывались отношения А. Толстого с новой властью. Ведь в 1923 году он возвращался под личное поручительство Льва Троцкого (!). До 1932 года А. Толстой был «невъездным», а он так любил Европу. Подробно, с нюансами рассказано о двух спецоперациях ГПУ, проведенных против А. Толстого, сначала в бытность его в эмиграции, а затем, когда он жил уже в СССР. В итоге все глубинные связи Толстого с изгнанниками были разорваны, что не мешало использовать его в деликатной сфере — склонении эмигрантов (а среди них были Куприн, дочь матери Марии, Цветаева, Замятин, Бунин) к возвращению на родину. И. Толстой пишет, что за свое благополучие, за комфорт и просто за выживание А. Толстому приходилось расплачиваться конъюнктурными романами. Среди них — «продажный и подлый в политическом отношении» роман «Эмигранты» («Черное золото»), «холодный, подхалимский» роман «Хлеб» о подвигах Сталина в обороне Царицына. От расправы писателя, на которого поступило две с половиной тысячи доносов, спасло начало Великой Отечественной войны. В этом увлека-

тельном повествовании переплетаются биография писателя, его творчество, политические подоплеку поступков, художественные замыслы и их воплощение. И. Толстой обращает внимание на особенности композиций произведений писателя, на выбор героев и их прототипы, на родственные связи автора со своими героями, на издательские и сценические истории произведений. Двадцать три года (1918–1941) длилась работа над романом «Хождение по мукам», не раз с учетом текущей ситуации текст редактировался, неизменными оставались лишь главные герои трилогии. С особым энтузиазмом обратился А. Толстой к эпохе созидания и строительства, к эпохе Петра I. «Романом хотел объяснить всю Россию, от начала до конца, с ее мифами, национальным характером, юмором. И стародавнюю Россию, и новейшую, советскую, потому что для него русский человек никуда не исчез — ни от ударов революции, ни от появления радио и телефона, ни от нового названия государства». Разгадки русской жизни А. Толстой находил и в языковом феномене, в лексике и фразеологии, использовал в работе двухтомный свод следственных и тяжёбных дел «Слово и дело», где в точных записях подлинным, не казенным языком говорили пытаемые, а ведший записи дьяк не обрабатывал литературно их крики и признания. К. Чуковский отмечал, что природный инстинкт языка — самое ценное в таланте А. Толстого. Комментируя знаменитую фразу Ф. Сологуба «Алешка Толстой брюхом талантлив», И. Толстой указывает, что молодой заволжский провинциал петербургской богеме был «философски неинтересен, концепций предложить не в состоянии. Его конек — бытописание, человеческие типы, характеры, разговоры, не духовное, а мясное и черноземное... Он был великолепен как рассказчик, как человек, чувствовавший, цитирую Бунина, „все русское, как мало кто“». Среди героев романа «Петр I» и предок писателя — начальник Тайной канцелярии Петра I Петр Андреевич Толстой. Это он тайно купил в серале турецкого султана несколько арапчат, одного оставил себе, другой, переданный царю, стал прадедом Пушкина. Это Петр Толстой выманил из Италии царевича Алексея на расправу. В книге много неожиданного, например, родство, близость Буратино и молодого Петра I или разбор когда-то популярной пьесы «Заговор императрицы» о деятельности императрицы Александры Федоровны на благо Германии. Или вот такая неожиданно актуальная цитата из рассказа А. Толстого, пережившего крушение страны. «Ночная смена», декабрь, 1917 года: «Не мило нам было ни отечество, ни обычай родной, ни прошлое. Даже слово — родина — признавалось всеми подгнившим, с душком, отдавало не то охранным отделением, не то опричниной. Настоящий русский, сознающий себя человек должен быть мировым гражданином, отечество его — земля, а Россия лишь случайное место рождения, говорили мы. И все русское казалось нам чумазым, варварским, хамским, родина наша — рабой, слишком горды и свободолюбивы были мы, чтобы любить рабу». А потом случилось то, что случилось.

Карельский перешеек. Страницы истории. Книга пятая. СПб.: Остров, 2021. — 432 с.; ил.

В пятую книгу «Карельский перешеек. Страницы истории», как и в предыдущие, вошли статьи о западной части Карельского перешейка от северных окраин Петербурга и Сестрорецка в сторону Выборга. Но на этот раз сделано небольшое отклонение к востоку до не существующей ныне деревни Липола (В. Ренни. «Липола. Из истории почтовых учреждений на Карельском перешейке»). В 1993 году у развилки дорог в урочище Котово на сохранившихся ступенях одного из домов краеведы установили памятник этой «канувшей в Лету» деревне. Сборник, куда включены три десятка

статей, организован по «территориальному» принципу, в нем три раздела: Парнас–Репино, Комарово–Красное Село, Приморск–Выборг. Парнас тоже Карельский перешеек, считает составитель и редактор серии Леонид Амирханов, так как этот район начинается от северного берега Большой Невки. О Парнасе и его обитателях пишет С. Глезеров. Историю «Северного Парнаса», названного так по рукотворной горе, устроенной графом Шуваловым в своей парголовской усадьбе, С. Глезеров рассматривает от середины XVIII века до современности: утраченные красоты и современные проблемы жителей района. Особое внимание уделено торфопредприятию Шувалово, снабжавшему топливом ленинградские электростанции и промышленность в годы блокады, и подвигу работавших там женщин, «торфшук». Установленный на месте братской могилы обелиск ныне оказался в центре садоводства «Климовец», и автор ставит вопрос о создании мемориала на людном месте, например, у станции метро. А начинается сборник со статьи А. Вострова «Финляндская железная дорога в 1870–1917 годах о нереализованном факторе сближения Санкт-Петербурга и Гельсингфорса»: экономические контакты, миграционные потоки, отношения финнов и русских. Исследователей, а среди них искусствоведы, архитекторы, университетские преподаватели, музейные работники и краеведы из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, интересует все, и на старицах этой книги они делятся итогами своих открытий последних лет. Их интересуют известные и не очень уголки Карельского перешейка. Например, природа и история заказника «Северное побережье Невской губы», расположенного в Приморском районе между станциями Ольгино и Лисий Нос (А. Исаченко). Или остров Киркосаари, на котором с 1883-го по 1918 год находилась база Водолазной партии Кронштадтского порта (Ю. Мельникова, Ю. Мельников). Сейчас остров, где водолазы, используя новейшую технику, совершенствовали свое мастерство, находится в запустении. О насельниках усадьбы Монрепо и острова у ее берегов, о ярких страницах их жизни рассказано в очерках В. Болгова «Остров Саммонсари и его обитатели» и Н. Лисицы «Залог любви. Обелиск братьев Броглио в Монрепо». В. Ткаченко рассказывает, как в начале 1980-х годов, работая в пионерском лагере в поселке Молодежный, он пробирался в запретную, охраняемую пограничниками зону, чтобы исследовать останки форта «Ино», маяк на мысе Стирсудден («Лесное село»). О многом рассказывается впервые. Например, о заводской электростанции «ружейных заводов и прочих железных дел фабрик при Сестре-реке» (С. Ренни). (С. Ренни высказывает пожелание превратить машинный зал ГЭС с сохраненными поколениями заводчан уникальными агрегатами начала XX века в музейное пространство, — многие авторы предлагают свои способы сохранения культурного достояния.) В основу рассказа А. Дружининой «Ремесленная школа Сестрорецкого оружейного завода» легла впервые проработанная документация ремесленного училища за 1909–1914 годы. В статье М. Ивановой «К вопросу о динамике развития гранитной промышленности в Финляндии в конце XIX — начале XX века» впервые в отечественной историографии уделено внимание экономическому аспекту развития каменоломен на Карельском перешейке и месту горнодобывающей промышленности в экономике Великого княжества Финляндского. С конца XIX века Карельский перешеек стал излюбленным местом отдыха петербуржцев, многие состоятельные люди имели там собственные дачи. О грустной судьбе уникальных загородных дач пишут В. Скурлов — «Загородный дом Агафона Фаберже в Левашово», М. Травина — «Villa „Harpuplinna“». Неоконченная мелодия для арфы». Загородный дом, который Карл Фаберже подарил своему сыну Агафону, превратился в произведение искусства, наполненное сокровищами. В ходе революции дом подвергся разрушению и разграблению, до сих пор не удалось проследить судьбу художественных ценностей, среди которых особо ценными были «тонкой работы фигурки из разных камней». Дом рушится на наших глазах. Вилла

«Nagrpulnna» в Комарове (Келломаки), построенная гражданским инженером Г. Барановским для своей жены, считалась одной из красивейших дач Карельского перешейка, она сгорела осенью 1941 года. Авторы этих двух работ знакомят с архитектурой, внутренним убранством, хранившимися на дачах коллекциями и, конечно, с судьбой владельцев дач. Во многих работах в центре внимания находятся именно люди, судьбы замечательных насельников Карельского перешейка. Это и владельцы «Монрепо» Николаи, и их соседи с острова Саммонсари семейство Рамси, один из Рамси, Август Рамси (1859–1943), известный в свое время математик, экономист, стоял у истоков Туристической ассоциации Финляндии. Среди героев очерков — писатель Леонид Андреев (1871–1919), в 1908 году поселившийся в Финляндии в огромном доме на берегу Финского залива близ Черной реки (А. Востров. «Леонид Андреев и Финляндия. Диалог „своего“ и „чужого“» и А. Старков «Леонид Андреев — художник-живописец»). Успешный книготорговец и фотограф Конрад Ольденбург (1854–1927, С. Салманов. «Конрад Ольденбург. „Отражение времени“»). Внук И. Репина Дий (1907–1935), задержанный советскими пограничниками при переходе границы и без принуждения на допросе рассказавший о задании производить теракты против высших руководителей партии и государства, чем подписал себе приговор (Ю. Балащенко. «Дий Юрьевич Репин — жертва контрреволюционных организаций Финляндии»). Отец его, Юрий Репин, до конца жизни считал, что сын жив. Среди героев очерков и архитектор Р. Даянов (1950–2021), разработавший реставрационные методы воссоздания деревянных дач в Комарове и воплотивший их в жизнь (С. Лешко, Е. Травина. «Архитектор Р. М. Даянов и архитектурное наследие Карельского перешейка»). В книге много уникальных фотографий, самым известным Выборгским фотографам второй половины XIX века М. Зейферту и Я. Индурскому посвящен очерк А. Салманова.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)